

ЭТНОГРАФИЯ

М.Б. Гимбатова

ТРАДИЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА И КУНАЧЕСТВА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (XIX - нач. XX в.)

Одним из самых стойких и строго соблюдаемых обычаев у тюркоязычных народов Дагестана, как и у других северокавказских и дагестанских народов вообще, является обычай гостеприимства и куначества. Этот обычай в условиях полиэтничного Дагестана способствовал мирному сосуществованию на одной территории народов разных национальностей и вероисповеданий. К сожалению, в последнее время лучшие дагестанские традиции гостеприимства и куначества под воздействием всемирного процесса глобализации утрачены или подвергнуты нивелировке.

Данная статья посвящена обычаю гостеприимства и куначества тюркоязычных народов Дагестана. На наш взгляд, он более показателен и интересен с этнографической точки зрения в силу того, что органично соединил в себе как тюркские, так и отчасти горские традиции. В рамках нашей статьи мы попытаемся представить особенности гостеприимства и куначества тюркоязычных народов Дагестана, так как на фоне дагестанских традиций гостеприимства и куначества они отличаются некоторой этноспецификой.

Известно, что тюркоязычные народы Дагестана объединяет не только территория расселения, язык, вера, но и общие генетические корни, уходящие в глубь многих столетий. В период средневековья тюркоязычные народы Дагестана пережили процесс этнического взаимодействия и смешения с различными народами тюркского и нетюркского происхождения и образовали отдельные этносоциальные сообщества {Алимова Б.М., 2003. С. 6}.

Гостеприимство - сложное явление. Институт гостеприимства существовал у самых разных народов мира: у древних германцев и евреев, австралийцев и арабов, индейцев и народов Севера. Поразительные совпадения в ритуале приема гостя у народов, удаленных друг от друга во времени и пространстве, конечно, не могут быть случайными, они свидетельствуют об устойчивости неких глубинных структур ритуала, его семантических мотиваций (Байбурун А.К., Топорков А.Л., 1990. С. 113).

Проблеме гостеприимства посвящено немало работ, она с давних пор интересовала многих исследователей. Высказывались различные точки зрения по поводу генетических основ обычая гостеприимства. Одни исследователи склонны видеть столь широкое распространение этого обычая в трудностях и опасностях, подстерегавших путников во время передвижений или странствий по путям сообщения в эпоху варварства. Так, например, Д.Е. Еремеев отмечает, что «слабое развитие путей сообщения в прошлом, опасности, всюду окружавшие путника, — все это выработало на Востоке особые правила взаимопомощи и гостеприимства, которые свято соблюдаются простым народом до сих пор» (Еремеев Д.Е., 1980. С. 99).

Л.Я. Люлье усматривал в гостеприимстве реализацию права на защиту и покровительство (Люлье Л.Я., 1859). СМ. Броневский выводил распространение обычая гостеприимства из образа странствующих рыцарей (Броневский СМ., 1823. С. 130), существует и религиозно-магическая концепция внутренней сущности гостеприимства (Леви-Брюль Л., 1937. С. 74). Все эти точки зрения вполне приемлемы и рациональны, однако они не отвечают на главный вопрос: когда же возник обычай гостеприимства? Исследуя генетические корни этого обычая, Б.Х. Бгажноков пришел к следующему выводу: «Сознание того, что все, чем располагает общество, является одновременно и твоим, не могло существовать без сознания «мое есть одновременно общественное», т.е.

обычай гостеприимства берет свое начало с эпохи первобытного коммунизма коллективной собственности» {Бгажноков Б.Х., 1978. С. 40). С.А. Лугуев, как бы продолжая эту мысль, пишет, «что обычай развивался, содержательно наполнялся и обретал институализированные черты особенно с периода становления производящего хозяйства, выделения, обособления таких его форм, как земледелие, скотоводство, а в последующем - домашних промыслов и ремесел, хозяйственной специализации (видовой, зонально-региональной) и результата этих сложных процессов - развития обмена и торговли. Именно с развитием торгово-обменных операций и налаживанием, интенсификацией соответствующих связей обычай гостеприимства и куначества обрел ту «законченную», «классическую» форму, которая с некоторыми изменениями и этноспецифическими чертами, характеристиками дошла до поколений людей нового и новейшего времени» {Лугуев С.А., 2006.С.228).

Со временем обычай гостеприимства приобрел морально-этический оттенок. Пожалуй, нет такого народа на земном шаре, у кого бы принцип гостеприимства не входил в систему моральных ценностей, вопрос только в том, какое место он занимает в этой системе.

Обычай приема гостей имеет давние традиции. Развитые формы гостеприимства ориентированы на человека, прибывшего издалека, незнакомого или малознакомого {Бгажноков Б.Х., 1985. С. 179), а наиболее простые, зачаточные формы наблюдаются при приеме хорошо знакомого гостя, возможно, соседа или родственника. У народов Севера хорошо сохранились наиболее простые формы гостеприимства. У народов Кавказа оно приобрело характер высокоразвитого правового института, а прием гостя разворачивается как многодневный детализированный ритуал {Бгажноков Б.Х., 1985. С. 179). Таким образом, тюркоязычные народы Дагестана, как и другие народы Кавказа, имеют довольно развитые формы гостеприимства.

Обычай гостеприимства «кьонаклыкъ» (кум.), «конакбайлык» (ног.), «гонаглыг» (азерб., терк.) широко бытовал у тюркоязычных народов Дагестана. Так, кумыки говорили: «С кунаком и берекет (обеспеченность) приходит» {Гаджиева С.Ш., 2005. С. 260), ногайцы - «Гость - от Аллаха», а азербайджанцы и терекеменцы называли гостя «Аллагъ верен гонаг» (божий гость).

У тюркоязычных народов Дагестана гостей принимал мужчина, женщина могла самостоятельно принять в качестве гостя лишь своего отца, брата (если они жили в другом селении), давнего кунака, в остальных случаях, если в доме не было хозяина, она отправляла детей за родственником мужа, который в его отсутствие мог принять гостя. Из этого следует, что у тюркоязычных народов Дагестана в XIX в. мужчина занимал исключительное положение в семье.

Женщине, за исключением пожилой, вообще не разрешалось приветствовать гостей и сидеть с ними за одним столом, участвовать в их разговорах, даже в том случае, когда речь шла о ее семье, о муже. Она должна была готовить угощение и в крайнем случае донести его до дверей гостиной, накрывать же на стол, приглашать к столу гостей было делом хозяина дома, а в его отсутствие - другого родственника {Гаджиева С.Ш., 1999. С. 240). Обслуживание стола было делом молодых мужчин, но не юношей. При особо почетных гостях юноши к столу не допускались вообще {Алимова Б.М., 2003. С. 141).

У тюркоязычных народов, как и у народов Дагестана, хорошо принять гостя считалось святым долгом. Каждый путник имел право войти в первую встретившуюся саклю или кибитку и рассчитывать на гостеприимство. Прием известных и неизвестных лиц осуществлялся без особой разницы, что не раз отмечали путешественники. Между мусульманином и христианином не делалось различий. Для последних единственным ограничением было не заносить в кибитку свинину (если она была куплена где-то заранее) {Великая КН., 2001. С.104).

Определенных правил в приеме мусульманина придерживались и соседи северных кумыков и ногайцев - казаки. Так, «если дом казака посещал кумык, чеченец, кабардинец или другой человек мусульманского вероисповедания, образа закрывались пеленой.

Спиртное на стол не подавалось, и гостю было дано право самому забить скотину или птицу» {*Великая Н.Н.*, 2001. С. 106).

Гости делились на несколько категорий: специально приглашенные (званные гости), нежданные (незванные гости, случайный путник) и гости, которые могли прийти без приглашения (соседи, родственники, односельчане). Соответственно ситуации проходил и прием гостей.

Прием званых гостей обставлялся более пышно, торжественно. Визит незваных гостей, как правило, был непродолжительным. Хозяева дома прилагали все усилия, чтобы принять нежданных гостей по всем правилам. Соседи, родственники, односельчане обычно довольствовались чаем, а если заставляли семью за трапезой, то обязательно присоединялись к общему столу.

Все гости, независимо от статуса, возраста, пола, вероисповедания, могли рассчитывать на радушный прием хозяина. Тюркоязычные народы Дагестана охотно принимали гостей, так они были уверены, что вместе с гостем в дом приходит благополучие. «*Конактынъ колтык туьбинде калакап бар!*» (У гостя под мышкой кусок хлеба есть!), — говорили ногайцы. У азербайджанцев и терекеменцев бытовало такое выражение: «*Гонагда багадарысхы геляр*» (Раньше гостя придет его доля еды).

Хозяин лично встречал гостей. Прием гостя - важное событие в любой семье. Достоинство принять гостя - священный долг для хозяина дома. Соблюдение законов гостеприимства считалось одной из наиболее важных обязанностей человека и строго контролировалось обществом. Так, например, у кумыков существовали особые правила при приеме гостя, которые нашли отражение в адатах (*Алибеков М.*, 1927. С. 28-29).

Определенные правила приема гостя существовали и у ногайцев. «По отношению к гостеприимству они довольно щепетильны и презирают тех, кто не соблюдает этого патриархального обычая; упрек в негостеприимстве — одно из тяжких оскорблений для караногайцев», - писал о ногайцах Г. Малявкин {*Малявкин Г.*, 1983. С. 170).

У тюркоязычных народов Дагестана встреча гостей начиналась с традиционной приветственной фразы: «*Хош гельдин!*» (Добро пожаловать!). Хозяин выходил навстречу, даже если гость был намного младше. У ногайцев бытует поговорка: «*Алты ясындагы келсе, алтыс ясындагы алдына шыгар*» (Если даже шестилетний придет (в гости), шестидесятилетний встречать выходит). Если гость был долгожданным, то у кумыков его встречали словами: «*Бу якълар къайда, сен къайда? Хали яяимму алдына?*» (Какими судьбами, ты откуда? Может, ковер расстелить тебе под ноги?), «*Адашип гельгенмусан? Сага не болган?*» (Ты что заблудился? Что с тобой случилось?) или же - «*Ариги орамдан гельдинму, бериги орамдан гельдинму? Озюн сююн гельдинму, мен сюйгенни билдинму?*» (С дальней улицы пришел, с ближней улицы пришел? Самому захотелось прийти или знал, что я хочу, чтобы ты пришел?), у азербайджанцев - «*О, не аджаиб гяльдин, сен хара, бура хара? Чашип гяльдини?*» (О, какими судьбами, как ты сюда попал, может, дорогу перепутал?), у терекеменцев - «*Хаяна гюн чыхты?! Не атын аягуву артына? Даян, даян халча атым!*» (Откуда солнце взшло?! Что мне постелить тебе под ноги? Подожди, подожди, я ковер расстелю!), у ногайцев — «*О, кайдан шыктын, кайдан кельдин?*» (О, как ты здесь появился, откуда пришел?).

У кумыков гость на приветствие отвечал: «*Уьюгизге яхшылык!*» (Мир вашему дому!), у ногайцев - «*Аьруьвсизбе?!*» (Здорово ли живете?!), у азербайджанцев и терекеменцев - «*Эвюзе яхшылыг!*» (Благополучие вашему дому!). Одновременно с приветствием шел обмен рукопожатиями. «Если хозяин желал оказать особое внимание гостю моложе его летами, он при встрече подавал ему руку; гость должен ее пожать двумя своими руками. У ногайцев после рукопожатия хозяин целовал руку гостя и прикладывал ее ко лбу. Только почетным и уважаемым лицам караногайцы пожимают руку двумя своими руками», - так описывает акт приветствия у ногайцев Г. Малявкин {*Малявкин Г.*, 1893. С. 170). Если среди гостей были женщины, то мужчины здоровались с ними и передавали под покровительство женщин.

После обмена приветствиями хозяин приглашал гостей в дом. У северных кумыков и ногайцев в обеспеченных семьях имелся специальный дом для гостей - кунацкая - «кьонакь уьй» (кум.), «конак уьй» (ног.), который богато обставлялся. Подобные гостевые дома имелись и у состоятельных азербайджанцев. Так, С.Ш. Гаджиева писала, что «богатые азербайджанцы имели специальные гостиные, которые они обставляли в пышном восточном стиле, с коврами на полу и на стенах, увешанных дорогим оружием, с парчовыми портьерами на дверях» {Гаджиева С.Ш., 1999. С. 239}.

Первым в дом входил хозяин, за ним гость, затем все остальные. У ногайцев же в юрту первым входил гость, а вслед за ним хозяин.

Порог дома (юрты) переступали правой ногой. Усаживали гостя на почетное место - «тор ян» (кум.), «тоьр» (ног.), «юхари баиш», «охары баиш» (азерб., терек.) — напротив входа. Если гость был моложе хозяина, то на почетном месте сидел хозяин, а гостю предлагали сесть справа от хозяина. Так, ногайская поговорка гласит: «Сыйлы конак тоьр баста олтырар» (Знатный гость сядет на почетное место).

У тюркоязычных народов Дагестана существовали даже специальные правила рассаживания гостей. Так, у ногайцев, если гостей было несколько, то они размещались по возрасту, состоянию, известности ближе или дальше к хозяину {Павлов А., 1842. С. 34}.

У азербайджанцев и южных кумыков, если гость был намного моложе хозяина, последний приглашал к себе молодых родственников и соседей. В данном случае ни сам хозяин, ни гость на почетное место (у стены, с правой стороны очага) не садились. Если же гость был старше хозяина, то его сажали на почетное место, а хозяин садился рядом с ним, а не напротив. Если же гость был намного старше хозяина, то старший тухума должен был сидеть напротив или рядом с гостем, а хозяин рядом с родственником {Алимова Б.М., 2003. С. 138}.

В дом, который посетил приезжий, собирались родственники, соседи послушать новости, поговорить. Поэтому угощения должно было хватить на всех. Следует отметить, что в исследуемый период соседи принимали самое активное участие во всех делах семьи.

Вначале гостей угощали чаем. Вообще, у тюркоязычных народов до начала любой трапезы (основной еды) было принято подавать чай, считалось, что до еды нужно обязательно «смочить» желудок, освежить дыхание {Алимова Б.М., 2003. С. 86}. Чай до еды могли подать несколько раз, но с обедом обычно не затягивали. У азербайджанцев в шутку говорили:

<i>«Биринджи — адет,</i>	<i>Первый стакан — закон,</i>
<i>экинджи - лязят,</i>	<i>второй - для удовольствия,</i>
<i>учунджиси-гялят».</i>	<i>третий - лишний.</i>

Существовали и особые правила подачи чая гостям. Так, например, у ногайцев и северных кумыков калмыцкий чай подавали в пиалах, у центральных и южных кумыков, азербайджанцев и терекеменцев - в специальных стаканах грушевидной формы, получившие в народе название - «гьармуд» (букв, груша).

У тюркоязычных народов Дагестана чай никогда не наливали до краев, полная чаша могла означать, что гостям в доме не рады. Известны случаи, когда гости, увидев перед собой полные стаканы, молча вставали и уходили.

Для гостя всегда заваривали свежий чай. У ногайцев и северных кумыков калмыцкий чай вновь готовили даже в том случае, если в казане оставался запас чая от предыдущих посетителей. Для особенно почетного гостя у ногайцев готовили чай с верблюжьим молоком («туье сут») {Фарфоровский СВ., 1909. С. 199-201}, которое ценилось за высокую жирность и отличные вкусовые качества.

Если гости больше не хотели пить чай, то они давали знать об этом хозяину. Так, кумыки отодвигали от себя стакан, а азербайджанцы и терекеменцы - ставили его на бок, ногайцы - прикрывали пиалу ладонью.

Пока готовили еду, хозяин и его гости вели непринужденную беседу. В этой связи нельзя не отметить информационную значимость прибывших (будь то странники,

отставные солдаты, торговцы и пр.), которые рассказывали о важнейших событиях в ближайшей округе, городе, области, наконец, стране и мире (*Великая Н.Н.*, 2001. С.104).

Существовали и особые правила ведения разговора. Не принято было задавать гостю двусмысленных вопросов, касаться тем, неприятных гостю. В свою очередь гость не должен был интересоваться здоровьем жены, дочерей и делами, как-то связанными с ними. Во время беседы старались не перебивать друг друга, не спорить, даже если кто-то был не прав, не задавать уточняющих вопросов. Слушать гостя надо было внимательно и заинтересованно. При госте не принято было переговариваться на непонятном языке, перешептываться. Этих правил придерживались все народы Северного Кавказа (*Гарданов В.К.*, 1967.С.295; *Бгажноков Б.Х.*, 1978.С.38; *Инал-Ина Ш.Д.*, 1984. С. 103; *Мамхегова Р.Г.*, 1993. С. 123; *Лугуев С.А.*, 2001. С. 81).

Вообще хозяин старался создать максимально комфортную атмосферу для гостя. У кумыков говорят: «*Къонакъгъа ашынгны берме, къашынгны бер*» (Гостю еду можешь не дать, а встречай радушно), у ногайцев - «*Эт писирмесень, бет писир*» (Если мясо не варишь, лицо сварил, т.е. покажи свое радушие).

Действительно, в семье старались создать комфортные условия для гостя. По правилам этикета хозяин в течение трех дней не спрашивал гостя, кто он такой, куда едет и на какое время задержится, и даже по истечении трех дней гость при желании мог оставаться инкогнито. В доме, где останавливался гость, царил порядок: в присутствии гостей не прибирались, не подметали, не суетились. В доме старались говорить спокойно, не шуметь. Эти правила распространялись не только на взрослых, но и на детей. Им запрещалось шалить и озорничать.

У тюркоязычных народов Дагестана существовал довольно сложный ритуал приема гостей, особенно в феодальной среде. Манай Алибеков так описывает прием гостя кумыкским князем: «Если кунак (гость) приедет к князю и пойдет в его кунацкую, то по утрам при виде князя он должен дать князю салам, после чего должен ему сказать: «Танг яхши болсун» (доброе утро). Если князь ответит: «Саубол» (спасибо) и сделает движение туловищем с места своего сидения, то гость должен снять ему свою папаху. Если князь встанет, возьмет его за руку и скажет: «Хош гельди» (добро пожаловать), то гость должен ответить: «Саубол» (Будь здоров). Если дальше князь скажет: «Эссен аман бусан» (Благополучен ли), гость ответит: «Эсенбол аманбол» (Будь благополучен и счастлив). Если же князь ничего этого не будет говорить, то гость должен молчать. Если ему предложат сесть, то, если только князь не старший его родственник, может сесть. Когда он сядет, он должен занять почтительную позу, не сидеть развалившись на стуле. Ноги его должны быть прилично обуты.

Когда в кунацкой собиралась молодежь и туда приходил старик или средних лет человек, пользующийся уважением, то на его обычный салам молодежь, встав с мест, приняв его салам, приветствовала его: «Хош гельди» (Добро пожаловать). Если вновь прибывший только ответит «Саубол» и больше не будет продолжать своего, обычного у кумыков, приветствия, то молодежь должна молчать и стоять.

Обычно в беседу сидящих не вмешивались стоящие, они только отвечали на их вопросы и слушали со вниманием их разговор. Когда гость решал ночью уйти из кунацкой и уходил, то он, обращаясь к князю, говорил: «Геченг яхши болсун» (Пусть будет твоя ночь хороша). Если в ответ князь скажет: «Саубол» (Будь здоров) и сделает движение корпусом, то гость должен снять ему папаху.

В каждом селении старший из князей представлял из себя власть и его называли «Уллубий» (большой князь).

В кунацкой уллубия собирались князья и уздени, там садились уллубий и старейшие тамазы из узденей, а молодые князья и уздени стояли. Если они приезжали верхом, то их оседланные лошади стояли у «карас» (толстое ветвистое, очищенное от коры дерево, посаженное посреди двора, на ветвях которого кунаки закидывали уздечки своих лошадей и входили в кунацкую). Если бывала тревога, то молодые гости выходили на нее вместе с уллубием. Если же не было тревоги, то они, пообедав у уллубия, с наступлением

вечера возвращались к себе. Каждый день по установленной очереди уздени и князя собирались у уллубия. Так жили кумыки в старое время.

Гость, прибывший из других селений и въехавши во двор князя, подъезжал вплотную к карасу и слезал с лошади. Если из кунацкой никто не выходил к нему, для того чтобы взять у него лошадь, то он сам закидывал уздечку за ветку караса. Входя на балкон кунацкой, он скидывал с себя башлык, снимал бурку и оружие и входил в кунацкую. Если в кунацкой был князь, то он, дав ему обычный салам, если было утро, говорил: «Ганг яхши болсун» (Пусть будет доброе утро); если был вечер - говорил: «Геч яхши болсун». Когда князь отвечал: «Добро пожаловать», гость отвечал: «Спасибо». Если князь протягивал ему руку, то ее брал, если говорил: «Садись» - садился, если же нет, - продолжал стоять.

Когда внесут в кунацкую поднос с едой и хозяин скажет гостям: «Идите есть», то гости не подходили к еде: они ждали, пока князь (хозяин) не назовет по именам тех, кто с ним мог сесть при еде. Когда эти наедались, то поднос с остатками кушаний передавался не участвовавшим при еде с князем гостям, которые до этого времени продолжали стоять. По переносе подноса от князя к ним они все садились и кушали. Обыкновенно ели сидя на полу. Никто не мог взять для себя стул, пока ему не принесут.

Когда в кунацкую приходил ученый человек, то вне зависимости от того, что он молод, его садили на «тёрь» (почетное место). Кади, мулла пользовались среди народа особенным почетом и уважением. Последние иногда также посещали кунацкие князей» (*Алибеков М., 1927. С. 28 - 29*).

Не менее сложным был ритуал приема гостей и у ногайцев, удививший в свое время И.Т. Мутенина. Вот что он писал: «Первым прикасался и пробовал еду старший из сидящих за столом. Если среди присутствующих гостей находится старик, то он в первую очередь получает чашку чая. Взяв в руку чашку чая, старик начинает его пить. Выпив половину, он передает его своему соседу, тот пьет немного и передает другому. Чашка чая старика обходит всех гостей до хозяина включительно. Если же подается только мясо, то начатый первый кусок стариком обходит также всех гостей. По понятиям ногайцев, это делается для того, чтобы те, кто помоложе старика, дожили до его лет, т.е. сделались бы такими, как он и восприняли бы мудрость его седых волос. Отказаться выпить хоть один глоток чая из чашки старика считается неприличным и неуважением к старику» (*Мутенин И.Т., Л. 50*). Следует добавить к этому, что вкушать первым пищу считалось еще и проявлением уважения. Эта привилегия по праву принадлежала самому старшему за столом. У многих народов традиция, когда хозяин первым пробовал пищу и питье, приготовленные для гостей, служило доказательством того, что угощение не отравлено и с ним не насылается порча (*Байбурин А. К., Топорков А.Л., 1990. С. 149*).

Вообще ритуал гостеприимства - строго регламентированный порядок приема человека, не входящего в данную семейную группу родственников. Его сердцевиной и средоточием является совместная трапеза. Это испытанное веками средство приобщить пришельца к дому, сделать его «своим» (*Байбурин А.К., Топорков А.Л., 1990. С. 149*). Процесс угощения приезжего завтраком ли, обедом или ужином был не только удовлетворением потребностей гостя, но и целой системой ритуализированных предписаний, а также ограничений и запретов, представлявших в совокупности детализированный церемониал (*Лугуев С.А., 2001. С. 81*).

У южных кумыков самым почетным блюдом считались «хайгина» (яичница с мясом), «доима», у центральных — «кюрзе» (пельмени), «тиляв» (плов), у северных — «яв ёрме» (вареные бараньи внутренности), «чип чуду» (чуду из простокваши), у азербайджанцев и терекменцев - «долма», «аши» (плов), у ногайцев - вареная баранина. Кстати, резать в честь гостя птицу у ногайцев было не принято, также как и подавать на стол дичь, добытую на охоте. Зачастую бедняки в честь гостя резали последнего барана (*Великая КН., 2001. С. 104*). У ногайцев существует даже такая поговорка: «Конак келсе конар, кой семизи сойылар» (Придет гость - жирного барана зарежут).

В богатых семьях число блюд, подаваемых гостям, доходило до 15 и более (Алимова Б.М., 2003. С. 140). О пышном приеме и изысках дербентской кухни оставил нам сведения английский путешественник А. Дженкинсон, посетивший в XVI в. правителя Дербента. В частности, он пишет: «20 августа я явился к нему. Он (правитель Дербента. - *Авт.*) принял меня любезно. Поцеловав ему руку, я получил от него приглашение к обеду, причем он приказал мне сесть неподалеку от себя. Весь пол в его шатре был покрыт богатыми коврами, а над ними был постлан квадратный ковер, шитый серебром и золотом, на котором были положены две подушки соответственного достоинства. Король и его приближенные сидели в шатре, пожав ноги, но заметив, что мне было тягостно так сидеть, его высочество приказал подать стул, чтобы я сел на него, как я привык. Когда приблизилось время обеда, на полу были разостланы скатерти и подали различные блюда; они были поставлены в ряд по различным видам кушаний; по моему счету их было 140. Когда их убрали вместе со скатертями, то разостлали другие и внесли 150 блюд с фруктами и другими пиршественными кушаньями, так что в обе перемены было подано 290 блюд. В конце обеденного пиршества, король сказал мне «куош куельд», т.е. «добро пожаловать», велел налить чашу воды из источника и, отпив, передал мне остаток, спросив, нравится ли мне вода и есть такая же вкусная в нашей стране. Я ответил на это так, что он остался доволен. После этого он стал предлагать мне вопросы касательно религии... Потом он спросил, намерен ли я ехать дальше, и вообще о причинах моего приезда» (Джелкинсон А. 1937. С. 203).

Перед едой и после нее один из молодых людей, сын хозяина или племянник, иногда и он сам, а у феодалов один из его нукеров - узденей, обходил гостей с кувшинчиком, тазом и полотенцем, чтобы те сполоснули руки (Алимова Б.М., 2003. С. 141).

Начинали трапезу с произнесения фразы: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного!». Только после этого присутствующие приступали к еде. Женщины и дети за один стол с гостями не садились. Как правило, они усаживались после того, как гости встанут из-за стола.

В отличие от обычной трапезы, при которой еду между членами семьи распределяла старшая хозяйка, во время приема гостя обслуживал стол сам хозяин.

У ногайцев мясную пищу во время гостевой трапезы распределял хозяин, придерживаясь особых правил, в которых существовала строго установленная связь между статусом участников застолья и определенными частями подаваемого мяса. Самыми «престижными» частями бараньей туши считались: «*аи багар*» - голова (правая сторона ее), «*куьн багар*» - лопатки или «*тесикли*» - тазовые кости - их выделяли для самых старших участников застолья. Следующими хорошими кусками считались: бедренные части - «*орта сан*», часть ножек - «*ер басар*», «*бут*», ребра - «*кабырга*», грудинка - «*тоьс*», сердце - «*юрек*», почки - «*буйрек*». Остальные куски похуже (шейная часть, самые нижние части ножки) считались менее престижными, они предназначались для младших участников трапезы (Гаджиева С.Ш., 1979, С. 38).

У кумыков, азербайджанцев и терекеменцев традиции распределения мяса между участниками трапезы на «престижные» и менее «престижные» куски не было, она больше характерна для народов, занимающихся скотоводством - казахов, тувинцев, монголов, калмыков.

У ногайцев в знак особого уважения почетному гостю предлагались всегда баранья голова, печень и курдюк (Гаджиева С.Ш., 1979. С. 154), кусочек мяса с берцовой костью - «*йимекли уьли*».

Голова с древнейших времен воспринималась как наиболее важная часть тела и человека, и животного. У скотоводческих народов голова убитого животного — самая «престижная» часть туши, которая полагалась высшему лицу в социальной иерархии либо почетному гостю (Байбурун А.К., Топорков А.Л., 1990. С. 77). Не оказать должного приема гостю считалось позором. Семья, оказавшаяся неспособной должным образом исполнить долг гостеприимства, подвергалась упрекам аксакалов, насмешкам со стороны соседей, знакомых. Подобные случаи нашли отражение и в фольклоре в виде преданий.

Вот одно из них: «Пришел как-то к одному человеку гость. Как и подобает по ногайскому обычаю, гостя пригласили в дом, накрыли на стол и принесли ему вареную баранью голову. Взял гость голову в руки, крутит-вертит ее, а есть-то нечего. Что же делать? Как пристыдить хозяина? Гость оказался находчивым человеком. Взял он в руки баранью голову и стал с ней вести такой разговор:

- Эй, обглоданная голова, обглоданная голова! - начал гость.

- Посмотрела бы ты на меня - да глаз нет, заговорила бы со мной - да языка нет, подумала бы - да мозгов нет, послушала бы - да ушей нет. Что же мне с тобой делать?

После этих слов гость положил голову обратно. Услышал эти слова хозяин, от стыда чуть сквозь землю не провалился, не простой это человек, подумал он и, чтобы сгладить свою вину, зарезал барана» (*Канаев СИ.*, 1995. С. 21).

Голова, как и мясо барана, также имела свои «престижные» части. Право раздела головы принадлежало старшему. Попробовав кусочек мяса, он начинал делить голову между участниками застолья, сопровождая свои действия комментариями, кому и за что подается та или иная часть головы. Получить любую часть головы считалось почетным. Подобный раздел головы происходил и у адыгских народов (*Мамхегова Р.Г.*, 1993. С.136-137).

У кумыков, азербайджанцев, терекменцев и у большинства горских обществ Дагестана обязательное угощение гостя отваренной бараньей или говяжьей (бычьей) головой не практиковалось. В знак особого уважения к гостю голова к столу подавалась лишь в некоторых селениях лакцев (Аштикулинского участка), у андийцев, ахвахцев, хваршин, у кайтагских даргинцев (*Лугуев С.А.*, 2001. С. 144-145).

В знатных ногайских семьях важному гостю, судя по источникам, подавалась голова лошади. «Лошадиные головы, - пишет С. Герберштейн, - считаются лакомством и подаются только знатным» (*Герберштейн С.*, 1866. С. 134).

Наиболее любимым и, соответственно, «престижным» мясом кочевники считали конину. Закалывали обычно лошадь. Как известно, верховой конь у кочевников не предназначался в пищу. Более того, съесть верхового коня у кочевников считалось предосудительным, «позорящим, в высшей степени неэтичным поступком» (*Лунец Р.С.*, 1984. С. 63). Порезать коня на мясо считалось неэтичным, предосудительным и у некоторых горцев Дагестана. Так, у ахвахцев, каратинцев, бежтинцев, гинухцев, гунзибцев, цезов человек, порезавший на мясо коня (разбившегося при падении, поломавшего ногу и др.), в течение месяца (33 дней) не имел права передвижения верхом. Ему полагалось сделать жертвенные раздачи по трем семьям или три дня поститься (*Лугуев С.А.*, 2001. С. 111). Верблюжатины у ногайцев ели редко, полагая, что она хороша для ритуальных событий вроде Уразы-байрама, поминок и т.п. Козлятину гостям обычно не подавали, ибо они могли счесть это обидным для себя (*Никишиенков А.А.*, 1999. С. 82).

Особое место в застолье ногайцев занимало обжаривание грудинки. Грудинку, как лакомство, обычно обжаривал каждый сам для себя на открытом огне очага, насадив ее на палку. Подобный способ приготовления грудинки знаком и казахам (*Шаханова Н.Ж.*, 1989. С. 178).

У северных кумыков уважаемому гостю, оставшемуся на ночь, также резали барана, почетным блюдом считалось «*яв ёрме*». Готовили его следующим образом: внутренности барана (сердце, почки, легкие, печень, желудок, кишки) тщательно промывали, мелко нарезали, перчили, солили, затем заворачивали в тонкую пленку нутряного жира, потом клали в трюху, концы которой перевязывали нитками, и ставили варить.

Твердую пищу ели руками, беря ее из общего блюда обязательно правой рукой, жидкую пили из деревянных чаш. Ели за столом неторопливо. Если трапезу начинал хозяин, то завершал ее гость, так как согласно традиционному этикету ногайцев хозяин дома должен быть уверен, что гость насытился.

После завершения трапезы все присутствующие благодарили всевышнего за ниспосланную пищу. У кумыков и ногайцев, проводя руками по лицу, говорили: «*Аллах берекет берсин*», у азербайджанцев и терекменцев - «*Аллагъ берекят версин*» (Пусть

Аллах пошлет благодать), хозяин отвечал: *«Аш болсун»* (кум., ног.), *«Аш олсун»* (азерб., терек.) (Пусть пойдет впрок).

Если гость был издалека, то он оставался с ночевкой. Его провожали в гостевой дом, если таковой имелся, или же специально для него отводили место в общем доме. Односельчанам, людям, живущим в соседнем ауле, оставаться с ночевкой без крайней нужды было не принято. Обычно они заходили в гости днем по какому-либо делу или просто выпить чаю.

Для почетных гостей хозяин устраивал званый ужин с приглашением соседей, родственников.

Непременным атрибутом застолья у тюркоязычных народов Дагестана были *«кымыз»* (кумыс), *«боза»* (буза), *«аракы»* (молочная водка), *«чахыр»*, *«чагыр»* (вино). В отличие от кумыков, азербайджанцев и терекменцев, ногайцы пили хмельные напитки, передавая чашу по кругу. Обычай пить «круговой чашей», известный многим народам, имеет архаические истоки. Необходимость равного причащения к хмельным напиткам ученые объясняют как потребность делиться пищей и угощать гостей - это представление о том, что пища и питье исходят от родовых богов и принадлежат всему роду в целом {Байбурун А.К., Топорков А.Л., 1990. С. 149}.

За столом никогда не пили до пьяна. В народе пьянство осуждалось, что нашло отражение в ряде пословиц: *«Аракы ичкен сыйин тасетер»* (Кто пьет водку, тот теряет авторитет) (кум.), *«Бийдайдан - боза, бозадан - каза»* (Из пшеницы - буза, от бузы - беда) (ног.), *«Ич - ахылы ичме»* (Пей, но ум свой не пропивай) (азерб.), *«Ичкини ахыры яхшы олмас»* (Пьянство до добра не доведет) (терек.).

Как правило, за столом завязывалась непринужденная беседа. Сотрапезники шутили, веселились. Присутствующие следили за своей речью, чтобы ни в коем случае не обидеть кого-нибудь из сидящих за столом. У азербайджанцев и терекменцев в таких случаях говорят: *«Зарафата дисевда, фикирляшип де»* (Даже если в шутку говоришь, подумай, а потом скажи).

Ссориться за столом, выяснять отношения, сводить старые счеты считалось непозволительным. Руководил и следил за столом почетный гость. С его разрешения за столом говорили, шутили. Он и завершал вечер. Право первым выйти из-за стола, что означало - вечер окончен, принадлежало почетному гостю.

У тюркоязычных народов Дагестана в зажиточных семьях в честь почетного гостя устраивали богатое угощение, проводили соревнования борцов, приглашали известных в округе музыкантов, певцов, танцоров. Размах гостеприимства зависел от ранга и состояния принимающей стороны.

Почетным гостем знатного человека мог быть только равный ему. У дома специально устанавливались три столба, к которым прибывшие гости, согласно своему статусу и положению в обществе, привязывали коней. Так, у ногайцев «ближайший к дому князя столб предназначен для коней султана, т.е. беков ханского рода, второй - для узденей, а дальний столб - для коней бедных крестьян», - писал А. Х.-Ш. Джанибеков (*Джанибеков А.Х.-Ш.*, Л. 44).

С.Ш. Гаджиева совершенно верно отмечала, что в доме состоятельных людей принимался не каждый путник, например, бедняк, а лишь известные люди своего же социального круга. Что же касается бедных путников, то они обычно останавливались в домах таких же рядовых общинников, как и сами, где для них создавались по возможности хорошие условия (*Гаджиева С.Ш.*, 1999. С. 239).

На следующий день, если гость изъявил желание отправиться дальше в путь, хозяин дома его не задерживал, но для приличия предлагал без излишней настойчивости остаться еще хотя бы на ночь. *«Конак келсе капы ашык, кетсе иол ашык»* (Придет гость - ворота открыты, уходит - дорога открыта), - говорят ногайцы. У кумыков есть другое высказывание: *«Ёлавчу ёлдаяхшы»* (Путник хорош в пути).

Первым из дома выходил гость, а за ним хозяин, у ногайцев же наоборот, первым выходил хозяин и только вслед за ним - гость. Оказаться позади гостя в данном случае означало у ногайцев, что хозяин выпроваживает гостя.

Проводить гостя выходили только мужчины. Прощаясь, гость и хозяин пожимали друг другу руки и при этом произносили традиционные фразы прощания. У кумыков говорили: «*Яхшы йолга бар, ёлун тюз болсун, ицин онъг болсун. Уьйдегилерге салам айтарсан*» (Счастливого путь, пусть дорога твоя будет ровной, а дела - правильными. Домашним передай от нас салам), у ногайцев - «*Яхшы пол!*» (Доброго пути!), у азербайджанцев и терекменцев - «*Яхшы ёлга гедин! Дагада гялин*» (Счастливого пути! Приезжай еще).

Гость в ответ говорил: «*Аман турынъыз!*» (Счастливо оставаться!) (ног.), «*Аман, эсен къалыгыз!*» (Счастливо, благополучно оставаться!) (кум.), «*Яхшы ёл. Сегер саламат чат. Эвдикиляра салам де*» (Счастливого пути. Чтобы ты доехал благополучно. Домочадцам передай салам) (азерб., терек.). Непременным условием при прощании была просьба гостя к хозяину, чтобы последний обязательно посетил и его дом.

Если гость и хозяин были очень близки между собой, то, прощаясь, хозяин мог и пошутить: «*Яхшы йолга барагъангъа салам айт сорагъангъа, саламда табылмасын ямаллыкъ ёрагъангъа*» (Когда отправишься в путь, передай привет тем, кто о нас спросит и пусть не найдется хороших слов для тех, кто не желает нам добра). Гость же в свою очередь мог пожелать хозяину следующее:

<i>«Бу абзарга аи тувсун, алтын карас орналсын. Йылда гельген шах къонакъ, шогар атын бапласын».</i>	<i>Пусть в этом дворе светит луна, золотую коновязь пусть установят. Раз в году приходящий уважаемый гость пусть привяжет к ней своего коня.</i>
--	--

Уехать, не попрощавшись, считалось верхом неприличия, да такого, в общем-то, не могло и быть. Если гость приехал верхом, то сыновья хозяина поддерживали стремя, чтобы он сел на лошадь. Если гость был молодым или средних лет, то он с удалью, быстро садился в седло, как бы лишая возможности помочь ему. Садиться на лошадь следовало обернувшись лицом к дому.

Вообще обычай гостеприимства подчинен одному сценарию, где строго прописаны правила поведения каждого «персонажа». С одной стороны - это хозяин и его семья, которые ведут себя активно и задают тон всей процедуре приема гостя, а с другой - гость, принимающий все знаки внимания, оказанные хозяином и членами семьи. Так, хозяин строго следует правилам гостеприимства, выработанным обществом. Он должен создать максимально комфортные условия для гостя. Хозяин дома должен выполнять все желания гостя, оказывать знаки почтения и прощать незначительные проступки, за которые в иной обстановке последовал бы упрек или же наказание.

В обязанность хозяина входило не только создание максимально благоприятных условий для отдыха гостя, но и содействие в решении его проблем, охране чести, достоинства, жизни и имущества. Причинение гостю какого-либо вреда, а тем более ущерба его здоровью и жизни считалось позором для семьи, принимавшей гостя, и ложилось пятном на весь аул. По завершении визита гостя обязательно снабжали в дорогу провизией. Сам хозяин, его братья или сыновья провожали его до околицы аула.

В кодексе гостеприимства существовали и правила поведения для гостя. Переступать порог дома (юрты) надо было с правой ноги. Входить в дом и садиться за стол без приглашения хозяина считалось неприличным, как и заглядывать в женскую половину дома, шутить, заигрывать с женщинами и даже случайно прикасаться к ним. Также неприличным считалось задерживаться в чужом доме более трех дней. Гость не должен вмешиваться в дела семьи. Недопустимым считалось со стороны гостя оскорбить кого-либо из членов семьи.

В гостях не следовало много есть и пить. Также неприличным было есть с жадностью, нюхать пищу, чавкать, облизывать пальцы, вытирать после еды рукавом рот и т.д. Нарушение этих правил воспринималось хозяином как оскорбление. Подобные же правила поведения в гостях соблюдались и другими тюркоязычными народами, в частности татарами, башкирами, казахами {*Нишшенков А.А., 1999. С. 81*).

Наряду с гостеприимством у тюркоязычных народов Дагестана существовал и обычай куначества — «*къонакълыкъ*» (кум., ног.), «*гонаглык*» (азерб., терек.).

Куначество происходит от тюркского слова «кунак», т.е. гость. Это слово, широко известное среди горцев Северного Кавказа и Дагестана, было привнесено тюркскими племенами.

Институт куначества играл огромную роль в укреплении дружбы между различными народами, не говоря уже об укреплении дружеских связей внутри одного и того же народа (Унежев К.Х., 2003. С. 368). Вовлечение тюркоязычных народов Дагестана в рыночные отношения расширило круг их общения, между людьми стали устанавливаться не только деловые и торговые, но и дружеские, куначеские взаимоотношения. У ногайцев на этот счет существует поговорка: «*Бир коьрген билис, эки коьрген таныс*» (Один раз увидел - знакомый, дважды увидел - приятель).

Особенно институт куначества был важен в условиях гор, когда при передвижении из одного места в другое путника на каждом шагу подстерегала опасность. При наличии кунаков в среде других племен и народов ему была гарантирована личная безопасность. Известны случаи, когда армянские, грузинские, еврейские купцы использовали институт куначества в своих торговых делах (Унежев К.Х., 2003. С. 368-369).

Куначеские отношения позволяли людям свободно передвигаться, обеспечивали им защиту и покровительство в чужих краях, что по тем временам являлось немаловажным. Ногайцы говорят: «*Азбар-азбар мал болганша, авыл-авылда дос болсын*» (Чем иметь несколько загонов скота, лучше иметь в каждом ауле друзей), «*Конаксыз аьдем, канатсыз кустай*» (Человек без гостей - что птица без крыльев), кумыки - «*Гьар юртда бир уьй тик*» (В каждом селении имей дом, в котором бы ты мог остановиться).

Возникновению куначеских отношений могло послужить обыкновенное знакомство где-то в пути, на ярмарке, в гостях и т.д. Между людьми могла возникнуть взаимная симпатия, а общие взгляды на жизнь и общие интересы могли привести к установлению дружеских, а затем и куначеских отношений. Классическим же способом возникновения куначеских отношений считается прием гостя. Долгие годы общения, дружбы между семьями, как правило, перерастают в куначеские отношения.

Гостеприимство «исторически предшествовало куначеству, которое представляло собой следующий этап в развитии межродовых и межплеменных отношений». Между понятиями «кунак» и «гость» нельзя ставить знак равенства, - пишет В.К. Гарданов {Гарданов В.К., 1964. С. 46-47}. На разницу между кунаком (хьунахъ, лиман, хион, узаг) и гостем указывает Б.А. Калоев {Калоев Б.А., 1971. С. 198}.

Хозяин дома всегда, где бы ни находился его кунак - гость, приятель, обязан был защищать его, оказывать необходимую помощь, вплоть до совершения вместе с ним кровной мести. Далее: обычай гостеприимства строго запрещал хозяину интересоваться делами незнакомого ему гостя, задавать такому гостю какие-либо вопросы, нарушать его инкогнито до тех пор, пока он сам не сообщал о себе необходимое. В отношении кунака - друга, приятеля, хозяин, наоборот, должен и обязан был вести себя иначе: проявлять повышенный интерес к тому, с какой целью он посетил его дом, принимать самое активное участие в разрешении его проблем. Принципиальное отличие кунака от обычного гостя заключалось еще в том, что связь гостя с хозяином носила единовременный характер, а с кунаком - постоянный {Калоев Б.А., 1971. С. 198}.

Существовали определенные различия и в приеме кунака. Кунака принимали с особым радушием. Во время приветствия, после обмена рукопожатиями между сверстниками не исключались и легкие объятия, похлопывания по плечу, что, например, не допускалось в отношении гостя. Здесь надо отметить, что во всех случаях инициатива всегда исходила от хозяина. Легкие объятия при встрече кунаков считались нормой для большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа. Неоднозначно подобное поведение расценивалось у народов Дагестана. Так, например, «андийцы, хунзахцы и гидатлинцы в подобных ситуациях объятий избегали, предосудительными они считались у кайтагцев и кумухских лакцев. Если левашинцы на объятия кунаков

смотрели как на вполне допустимый акт, то хаджалмахинцы старались к ним вообще не прибегать» {Гамзатова А.Ш., 2006. С. 83).

Если гостя следовало хорошо накормить и предоставить ночлег, то для кунака устраивали богатое угощение с обязательным приглашением родственников, соседей, известных музыкантов, певцов. Для кунака устраивались и различные конно-спортивные состязания.

На прощание хозяин преподносил кунаку подарок. Дары занимают особое место в этикете гостеприимства и куначества. Дарообмен между гостем и хозяином не являлся обязательным актом, исключение составляли лишь почетные и званые гости.

Званный гость, кунак обязательно являлся с подарком к хозяину и его семье. Это были сладости, фрукты, игрушки детям. Хозяину дома - «халча» (ковер), «кийиз», «арбабаш» (войлочный ковер), сбрую, кинжал.

В свою очередь хозяин дарил почетному гостю, кунаку что-нибудь сообразно его званию. В качестве подарка он мог преподнести намазлык (коврик для совершения намаза - молитвы), пояс, кнут, музыкальный инструмент, каракулеву папаху. Следует отметить, что дарили только новые вещи.

Прекрасным подарком для мужчины было оружие. Богатые люди дарили своим почетным гостям оружие из серебра и золота, инкрустированное драгоценными камнями.

В качестве подарка могли преподнести живого барана. Самым дорогим подарком считался конь. В этих взаимных дарениях всегда присутствовал принцип эквивалентности - нельзя было дарить вещь менее ценную, чем получил сам, в случае, если это происходило, давший меньше оказывался в зависимом положении и делал все возможное, чтобы при случае одарить партнера более ценной вещью {Никишенков А.А., 1999. С. 80}.

Активное участие кунаки принимали в семейных мероприятиях и торжествах. Отношения кунаков напоминали отношения близких родственников. Кунаки были на правах членов семьи. Они взаимно принимали участие в строительстве дома, помогали в сельскохозяйственных работах, несли наравне с родственниками расходы в случае свадеб, похорон, сборе средств для «выкупа крови» и т.д. Подобные взаимоотношения между хозяином и кунаком складывались и у других народов Дагестана {Гамзатова А.Ш., 2006. С. 81-82} и Северного Кавказа {Гарданов В.К., 1967. С. 309}.

Куначеские отношения у южных кумыков складывались с терекеменцами, азербайджанцами, кайтагами, у центральных кумыков - с предгорными аварцами, у северных кумыков - с чеченцами, салатавскими аварцами, ногайцами, гребенскими казаками. Кунаками степных ногайцев были в основном северные кумыки, терские и гребенские казаки. Кунаками азербайджанцев и терекеменцев были кумыки, табасаранцы, кайтаги.

Куначеские отношения поддерживались на протяжении всей жизни и передавались детям по наследству. Наши информаторы до сих пор помнят кунаков своих дедов и отцов, а многие из них и сейчас поддерживают с ними отношения.

Кунак-иноверец также принимал активное участие в делах семьи своего кунака. Исключение составляли лишь религиозные обряды (обряд бракосочетания «никах», обрезание, обмывание покойника), коллективные и индивидуальные молитвы, посещение мечети, когда присутствие представителя иного вероисповедания было нежелательным. Кунакам-иноверцам запрещалась и раздача жертвенного мяса животного, зарезанного на Курбан-байрам.

У многих народов Дагестана и Северного Кавказа существовали определенные правила поведения с кунаком-христианином, иудеем, во многом схожие между собой, так как все они отвечали основным требованиям ислама, предъявляемым в отношении человека иной веры.

Перечень правил поведения горца с кунаком иного вероисповедания, приведенный С.А. Лугуевым, характерен для всех мусульман Кавказа, в том числе и для тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, и гость, и главным образом хозяин старались по

возможности учесть взаимные национальные традиции, в т.ч. и в вопросах религиозных (Лугуев С.А., 1990. С. 169). Если хозяин и его домочадцы избегали в присутствии христианина читать молитвы и совершать намаз, гость со своей стороны не позволял себе действия, характерные для его вероисповедания (например, креститься перед едой). Установилась традиция, согласно которой в дружеской беседе совершенно исключались дискуссии и споры между хозяином (или его окружением) и гостем-иноверцем на религиозные темы, восхваление в какой бы то ни было форме своих религиозных догм и символов.

После гостевания кунака-христианина в доме все, к чему он прикасался, мылось. Считалось, что христианин осквернил своим прикосновением предметы, вещи не потому, что он заблудший в отношении истинной веры, а как потребитель свинины и спиртного (Лугуев С.А., 2001. С. 103).

Таким образом, добрососедские взаимоотношения тюркоязычных народов Дагестана с другими дагестанскими и северокавказскими народами способствовали развитию дружеских отношений между ними. Можно с уверенностью говорить, что обычай гостеприимства и куначества способствовал экономическому, политическому и духовному сближению народов Дагестана и Северного Кавказа, что сделало правила приема гостя общими для многих народов. Вместе с тем, у тюркоязычных народов Дагестана имелись некоторые отличительные особенности. Так, например, у тюркоязычных народов Дагестана женщины не приветствовали и не провожали гостей (исключение составляла лишь взрослая женщина), не садись с ними за один стол, не подавали и не распределяли еду между участниками застолья.

У всех тюркоязычных народов Дагестана до трапезы гостям обязательно подавали чай. Кроме того, у тюркоязычных народов существовала традиция половозрастного рассаживания за столом, а также связь между статусом участников трапезы и подаваемой к столу пищи, особенно наглядно это представлено у ногайцев, с их кочевническими традициями распределения мяса. Существовали и правила этикетного поведения, которые строго соблюдались как хозяином, так и гостями. Этническую специфику имела и традиция дарообмена между хозяином и гостем. В остальном же, тюркоязычные народы Дагестана руководствовались теми же традициями гостеприимства и куначества, что и другие дагестанские народы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алибеков М.*, 1927. Адаты кумыков. Махачкала.
- Алимова Б.М.*, 2003. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX- начале XX в.: Общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий. Махачкала.
- Байбурун А.К., Топорков А.Л.*, 1990. У истоков этикета. Л.
- Бгажноков Б.Х.*, 1978. Адыгский этикет. Нальчик.
- Бгажноков Б.Х.*, 1985. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л.
- Броневский СМ.*, 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. 4.2. М.
- Великая КН.*, 2001. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир.
- Гаджиева С.Ш.*, 1979. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. ХГХ-началоXXв.М.
- Гаджиева С.Ш.*, 1999. Дагестанские азербайджанцы. XIX - начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.
- Гаджиева С.Ш.*, 2005. Кумыки: Историческое прошлое, культура,быт.Кн.2. Махачкала.
- Гарданов В.К.*, 1964. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // СЭ. № 1.
- Гарданов В.К.*, 1967. Общественный строй адыгских народов (XVIII -первая половина XIX в). М.

- Гамзатова А.Ш.*, 2006. Куначество в системе общественного быта народов Дагестана (XIX - начало XX века) // Вестник ДНЦ. № 24.
- Герберштейн С.*, 1866. Записки о Московии. СПб.
- Джанибеков А. Х.-Ш.* Очерки по истории ногайцев // РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1.
- Дженкинсон А.*, 1937. Путешествие в Персию в 1561 - 1564 гг. / Английские путешественники в Московском государстве. Л.
- Еремеев Д.Е.*, 1980. На стыке Азии и Европы. М.
- Инал-Ипа Ш.Д.*, 1984. Очерки об абхазском этикете. Сухуми.
- Калоев Б.А.*, 1971. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.
- Капаев СИ.*, 1995. Ногайский дом. Черкесск.
- Леви-Брюль Л.*, 1937. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.
- Липец Р.С.*, 1984. Образ Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
- Лугуев С.А.*, 1990. Изменения в традиционной культуре общения народов Дагестана после присоединения к России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала.
- Лугуев С.А.*, 2001. Традиционные нормы поведения и этикет народов Дагестана (XIX - начало XX в.). Махачкала.
- Лугуев С.А.*, 2006. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX - начало XX века). Махачкала.
- Люлье Л.Я.*, 1859. О гостеприимстве у черкесов //К. № 7.
- Маляевкин Г.*, 1893. Караногайцы // ТС. Вып.3. Кн. 2. Приложение к Терскому календарю на 1894г. Владикавказ.
- Мамхегова Р.Г.*, 1993. Очерки об адыгском этикете. Нальчик.
- Мутенин И.Т.* Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67.
- Никишенков А.А.*, 1999. Традиционный этикет народов России (XIX-началоXXвв.).М.
- Павлов А.*, 1842. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб.
- Унежев К.Х.*, 2003. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик.
- Фарфоровский СВ.*, 1909. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения. № 12.
- Шаханова Н.Ж.*, 1989. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.